Николай Николаевич ПЛАСТОВ:

Мне светит ушедшее солнце...

- СОЕДИНЯЕТ ЛИ ТЕПЕРЬ МЕНЯ ЧТО-ТО С РОДИНОЙ АРКАДИЯ ПЛАСТОВА?

Связи с симбирским краем не прерывались никогда: наша семья так и живет долгие годы на два дома - в Москве и Прислонихе. Несколько поколений художников Пластовых - прадеды, дед, отец с мамой, я - нашли в родных местах тот свет жизни, без которого искусство, на мой взгляд, немыслимо.

Кстати, на известной встрече Хрущёва с деятелями искусства Аркадий Пластов закончил свое выступление словами: «В Москве правды нет». Хотя в юности столица совершенно поразила Аркадия Александровича и многое ему дала - систему взглядов и ценностей в искусстве он вынес, конечно же, из ее музеев и библиотек, из ее бурной художественной жизни. Такое редчайшее соединение европейской образованности с крестьянским, по сути, способом жизни в какой-то мере объясняет феномен Пластова. Он впервые предложил своим творчеством искренне и серьезно, без приукрас, всмотреться в безвозвратно уходящий мир русского крестьянства, а значит, и мир русского христианства. Ему удалось оставить для нас навсегда живыми портретные образы - со взглядами честных глаз и нелукавой душой. Господь же помог ему талантом.

Исследуя художественное наследие Аркадия Александровича, я все явственнее чувствую негаснущую связь с малой родиной, с давним теперь уже прошлым, где он для меня не мировая знаменитость,

Визитка

Родился 16 декабря 1956 г. в Луганске (Украина). Детство провел в с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области.

Сын художников Николая Аркадьевича Пластова и Елены Николаевны Холодилиной. Внук народного художника СССР Аркадия Александровича Пластова.

Окончил факультет живописи Московского государственного художественного института им. В.И. Сурикова (1979 г.). Служил в рядах Советской Армии (1979-1981 гг.).

Член Союза художников России и Московского союза художников. Работает в жанрах портрета, пейзажа, станковой картины. Участник многих российских и зарубежных выставок. Хранитель наследия А.А. Пластова и организатор выставок его картин.

В Ульяновской области прожил 16 лет. В Москве – с 1973 г.

Член Ульяновского землячества с 2004 г.

а просто дед - полный сил, страсти к работе, веселых затей и житейской мудрости.

ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА? Сразу и не ответить… Надо бы сесть одному, в тишине, и отсчитывать назад минуты, годы - до самых теплых, безмятежных впечатлений. Ну, вот, наверное, одно из наиболее ярких.

До перестройки нашего старого дома в Прислонихе вместо задней комнаты была первая дедушкина мастерская. Потолка в ней не было вовсе. В наклонные, вделанные прямо в крышу окна заглядывает пронзительное небо… Запах некрашеных, выскобленных полов смешивается с щемящими запахами красок и живичного скипидара. В любой зной под этими сводами поразительно прохладно, а главное - из-под конька свешиваются веревки, на которых невысоко над полом дед укрепил широкую доску. Я навзничь лежу на этих качелях, занавески приоткрыты, в верхнем окне ленятся редкие облака, большие шмели, напротив, «жужу-жу» - все в работе, и какой-то странной, голубой на просвет «клеянкой» затянута дыра в дощаной кровле. Вокруг - никого, а внутри - ощущение полной безмятежности. До сих пор я не перекрыл качественно это чувство, когда абсолютно все замечательно. Такое не объяснимое ничем счастье бывает только в раннем детстве.

А новая мастерская дедушки (теперь мемориальная) старше меня всего на год. Там на мольбертах всегда стояли две-три большие картины. Помню, на одном - «Полдень», на другом - только что начатая «Смерть дерева»… «Колька, хочешь чего-нибудь написать тут у меня, прямо на картинке?» - «А можно?». - «Вон есть в углу место, ну, бери кисть». И вот я уже

1957 год. У деда на руках.

самозабвенно малюю какую-нибудь травку. Конечно, дед потом закрашивал эти художества, но где-то в глубинах его картин есть и мои мазочки.

АТМОСФЕРА В ДОМЕ? Она была чудесной - рабочей и одновременно какой-то праздничной. Деревенских дел хватало на всех, но все жили, конечно, творчеством: отец, мама, дед. К Аркадию Александровичу часто приезжал ближайший друг - художник Виктор Васильевич Киселёв с неизменной рамкой меда, и начинались живые, веселые расспросы-разговоры.

Почему-то детские эпизоды в памяти связаны в основном с летом. Окружающая природа представлялась почти сказочной - огромные леса, поля, зеркала прудов и неспешные сельские дни под вы-

соким спокойным небом. Эти гармоничные пространства навсегда пленили меня - и по сей день не мыслю без них своего творчества. Но была и зимняя прелесть: лазы и пещеры в сугробах, снеговики во дворе, которых мы с дедушкой раскрашивали разведеной акварелью под генералов неведомых войск. Для «Кольки» он не жалел времени. И сохранил мое детство на многих картинах, тем более что «натурщик» всегда вертелся где-то у мольберта. «В деревне» на первом плане это я протягиваю кружку за парным молоком. На «Суде Париса» около полуразваленного античного храма пускаю стрелу, изображая Амура. Десяток портретов маслом, сотни рисунков... И даже спина на картине «Из прошлого» - моя, для нее я позировал уже подростком, лет 14-ти.

Перед смертью, прощаясь с семьей, дед наказывал: живите дружно, не обижайте Колю-маленького. Мне шел 16-й год...

КАКОВО БЫТЬ ВНУКОМ ГЕНИЯ? Трудно ли соответствовать?.. Общественному мнению - проще, дедовскому представлению о человеке - сложнее. Он был человеком правды. И в творческих, и в жизненных ситуациях. Мог без натуги общаться хоть с взрослым крестьянином, хоть с младенцем, а через сутки в Москве на равных говорить «московским языком», скажем, с министром культуры, хотя, замечу, страшно не любил приемы за их наигранную улыбчивую неискренность.

После его ухода мы с отцом жили не «за честь мундира», а по принципу «сам себе цензор». В творчестве надо, чтобы рука сама не могла «сделать плохо», а это достигается только ежедневными тренировками за мольбертом. Очень помогала поразительная (собранная дедом и отцом, а теперь и мной) библиотека. Когда что-то делаешь, невольно думаешь: а что по этому поводу сделали до меня? Достаешь книгу, скажем о портретах Веласкеса или пейзажах Левитана, - всегда найдется камертон, по которому можно понять, к каким вершинам двигаться. Так постепенно начинаешь осознавать себя причастным к великому и серьезному миру живописи.

Потом были учеба в Суриковском институте в Москве, обретение многих товарищей, единомышленников. Здесь не могу не вспомнить профессора Дмитрия Константиновича Мочальского. Это был энциклопедически образованный, мягкий человек, к которому удивительно подходило длинное звучание его имени-отчества. Неизменно благожелательно и тактично он формировал в студентах именно художественное восприятие

1961 год. Прислониха. С дедом и мамой.

1980 год. С отцом (в армейском отпуске).

жизни, чувство прекрасного в живописи, все то, что в совокупности стоит за существительным «художник».

Окончив в 1979 году институт, с осени того же года по весну 1981-го я служил в армии, в подмосковном Монино (Военно-воздушная академия им. Ю.А. Гагарина). В спортивной роте. Тогда регбисты нашей академии были в большом почете. Мне, конечно, поручалось художественное оформление всего, что возможно…

В 1982 году вступил в ряды Московского союза художников, а затем и Союза художников России. Тогда, что бы ни говорили, было действительно время творчества. Художники имели заказы, в столице проводились минимум три-четыре крупных выставки в год (где государством покупались работы для музеев и художественных фондов), а единственным критерием чести и успеха являлось профессиональное качество работ. Нужно было стараться, и это было как-то весело.

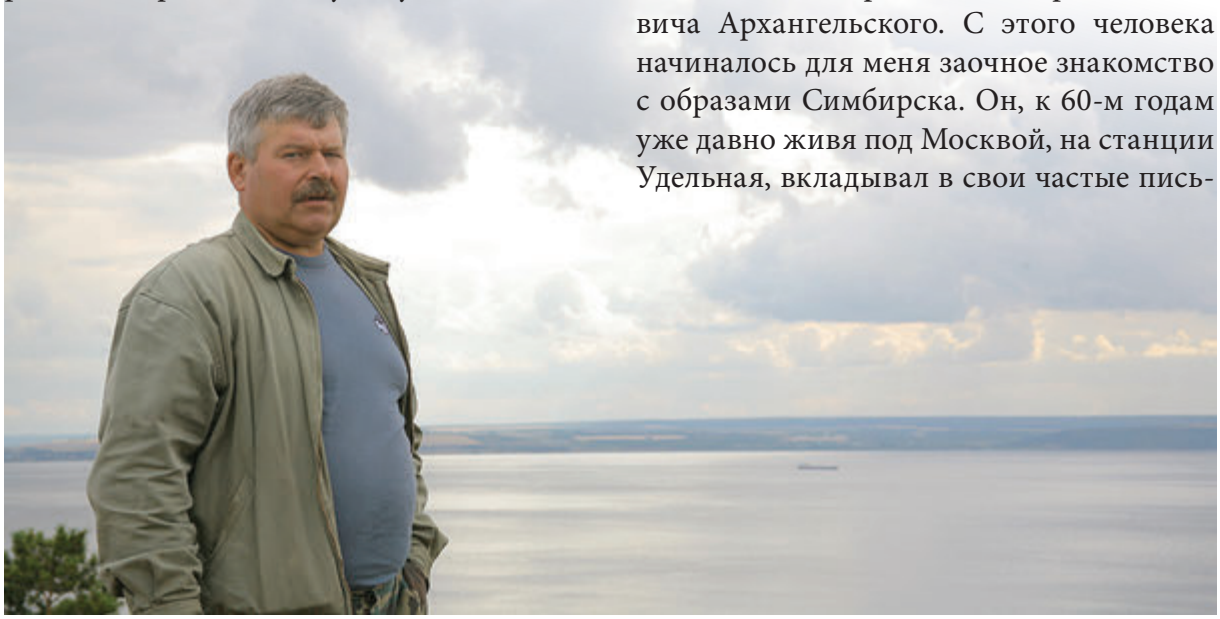
Незаметно и бодро пролетели 80-е, и вдруг вот это страшное дело - развал страны, Ельцин на танке, ничего не понятно: как жить, что делать? Поиск ответа на этот русский вопрос до сих пор не дает покоя. И было бы совсем грустно, если бы не спасительный с детских еще лет рецепт моей бабушки, Натальи Алексеевны: «Делай что должно, и будь что будет».

Следуя ему, по-прежнему пишу свои пейзажи, портреты, делаю вместе с Татьяной, моей женой, многочисленные и большие выставки Аркадия Пластова (можно сказать, по всей стране). Подросли дети. Петр - в МГУ, на истфаке, Арине - 14, пойдет в девятый класс, кандидат в мастера по конному спорту, но видит себя, кажется, реставратором.

НАШЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО В МОСКВЕ? Чудесная организация. Когда Геннадий Александрович Савинов предложил мне присоединиться к этому сообществу, я встретил там уникальную атмосферу, подкупающую искренней непосредственностью, неформальностью отношений. Меня приняло собрание людей достойных, неравнодушных, готовых, если что, прийти на помощь своим советом, опытом и делом. На наших встречах отрадно чувствовать, как воспоминания о прошедшем переходят в деятельные разговоры о настоящем, перерастают в захватывающий, действенный, живой патриотизм.

КАК ВСПОМИНАЕТСЯ УЛЬЯНОВСК?
В детстве это был далекий, почти мифический город Симбирск из рассказов моей бабушки - с церквами и колокольнями на берегу великой русской реки. В селе же он звался просто: «Город». Подразумевался исключительно Ульяновск. По рассказам счастливчиков, перебравшихся из Прислонихи, там было сказочно комфортно - вода в «квартере», отопление, «газова» плита и «калонка». Потом перебирались в Тольятти, Тюмень, Мурманск, Рыбинск… К концу 70-х стало понятно, что еще немного такого исхода - и не будет уже окончательно России крестьянской… Но это позже, а пока еще было людно в школе и на улицах, еще «тети Мани» и «дяди Пети» аккуратно, в три смены ездили работать на Языковскую фабрику, спасали урожаи в полях, резали лес. Стадо под двести голов привычно и обнадеживающе паслось в окрестностях…

Путь в «Город» казался долгим. Пыльные километры в люльке мотоцикла были нескончаемы. Отец взял меня в первый раз посмотреть на Волгу году в 65-м.

Что-то необъяснимо великое открылось в душе, когда стояли на высоком берегу - наверное, вот так возникает чувство принадлежности к вечному, к истории предков, к милой, бескрайней Родине. Склоны утопали в садах и зелени, тихий ветерок доносил влажный воздух, наполненный запахом нагретых солнцем яблонь. На водной глади белели пароходы, длинные баржи с песком толкали деловитые буксиры. За спиной стоял «Город» со старинными, пока не перестроенными улочками.

Поразил художественный музей - каким-то, как я теперь понимаю, особо удачным разнообразием своей коллекции. Прекрасная живопись поддерживалась утонченностью фарфора и малых скульптурных форм, органично ложилась в специально созданные интерьеры. А в огромных, торжественных окнах - все та же Волга, пространство воздуха, бесконечность пейзажа. Повторюсь - редкое соединение!

Город вставал перед моим взором ожившими акварелями Дмитрия Ивановича Архангельского. С этого человека начиналось для меня заочное знакомство с образами Симбирска. Он, к 60-м годам уже давно живя под Москвой, на станции Удельная, вкладывал в свои частые пись-

ма небольшие акварельки-воспоминания. Там были улицы его юности.

ГОДЫ И ЛЮДИ?.. Дмитрий Иванович Архангельский, учитель Аркадия Пластова, стал для меня первым знаменитым ульяновцем, встречи с которым всегда были полны духом исторического прошлого, уроками праведных поступков в жизни и творчестве. Блестящий акварелист, взращенный Серебряным веком русского искусства, был прост и доброжелателен в общении. Учитель от Бога, он тихим, глуховатым голосом комментировал процесс своей работы над изображением. Стоя рядом, казалось, что вот все и понятно, что вот прямо сейчас, стоит лишь взять кисть, как из-под нее выйдут сочные, верные по цвету акварельные заливки, чудесные небеса, поля, деревья… Это были уроки высокого и чистого мастерства.

Дмитрий Иванович на моей памяти дважды посещал Прислониху (последний раз в 1963 году). На несколько недель вся наша жизнь наполнялась какой-то новизной ощущений, какой-то прозрачной, «акварельной», легкостью мировосприятия. Нельзя забыть восторженность совместных выходов на этюды, взаимопониманий с полуслова в оценках прелести натуры, вечера неспешных воспоминаний при неярком свете еще керосиновых ламп.

Было трогательно смотреть, с какой вежливой предупредительностью относился Аркадий Александрович к своему пожилому Учителю, а вернее старшему товарищу и единомышленнику. Это был тоже урок правильной жизни…

Другое раннее впечатление об Ульяновске - знакомство с Анастасией Адольфовной Бирнбаум. Она вместе со своей старшей сестрой Верой Адольфовной проживала на ул. Корюкина в покосившемся деревянном домишке под номером 47. Когда-то, в 1908-1916 годы, сестры Бирнбаум были боннами моей бабушки в семье ее отца - земского начальника Алексея Николаевича фон-Вика. И их искренняя привязанность к Наталье Алексеевне прошла через десятилетия испытаний неизменной. Анастасия Адольфовна, с немецким складом характера, тонкими губами и пронзительным взглядом прозрачно-голубых глаз была акварелистом-любителем. Невысокая, сухая старушка в мальчишеских ботинках, строгом сером платье, непременном черном галстуке-бабочке и черном же, лихо сдвинутом на бок, берете всем своим обликом напоминала хрестоматийный образ художницы конца XIX века. Вся художественная жизнь города излагалась в ее эмоциональных рассказах в мельчайших подробностях.

Союзом художников Ульяновска в те годы долго и бессменно руководил Алексей Васильевич Моторин. Он был всего на шесть лет старше моего отца - Николая Аркадьевича, но уже воевал на фронтах Великой Отечественной. Он довольно часто приезжал в Прислониху писать этюды. Для меня, мальчишки, этот высокий, элегантный человек с бархатистым голосом был неким эталоном красивой мужественности. Казалось, он нес в себе какую-то так и не разгаданную до конца тайну о жизни, о судьбе…

Вместе с Алексеем Васильевичем сначала в составе многочисленных делегаций, а потом и на положении близкого друга часто приезжал удивительный художник - фронтовик Иван Васильевич Лежнин. Я не встречал до сих пор такого душев-

ного рассказчика с абсолютной памятью о делах нынешних и давно минувших. Его рассказы о войне поражали достоверностью правды - терпкой, страшной, но соединенной взглядом художника с увиденной рядом красотой мира, с силой человеческого духа, с неугасаемой надеждой на победу. Я искренне любил этого добродушного человека с романтичным, незлобивым, некорыстным сердцем.

О Викторе Васильевиче Киселёве - ученике и одновременно единомышленнике и друге Аркадия Александровича - вспоминается особо часто. Вся наша жизнь была связана с жизнью его семьи самым тесным образом. С 1925 года проселочная дорога между Прислонихой и Комаровкой через лесную глухомань соединяла двух художников своими 18 километрами - неторопливыми километрами мечтаний о будущих картинах, километрами новых впечатлений от так любимого обоими Богосозданного мира.

Сейчас по этой дороге прошли первые туристические группы школьников, а когда-то таким же подростком Витя Киселёв шел по ней учиться к Пластову. И добился многого. В плеяде будущих мастеров, сформировавших лицо нашего реалистического искусства, Виктор Васильевич обучался в Москве в 30-е годы, защищал Родину в 40-е. По возвращении с войны влился в деятельную жизнь московских художников. Но, как и Аркадий Пластов, не задерживался в столичной круговерти. Творческой судьбой стали жизнь в родном селе и люди, окружавшие его с детских времен. За эту приверженность и был он вознагражден и почитанием его таланта собратьями по кисти, и званием заслуженного художника РСФСР, и Государственной премией им. И.Е. Репина. Скромный, действительно родной и близкий дядя Витя был для меня вторым дедом, образцом порядочности и чести. Четверть века его уже нет с нами, а мне все мнится, что вот-вот он шагнет через порог в летний утренний час с букетом лесных цветов, собранных по дороге…

Упомянул о цветах - их было великое множество в окрестностях Прислонихи (сейчас - все беднее). Неизменно с ними приходили большие группы студентов, школьников, все хотели услышать от Аркадия Александровича о чем-то доселе скрытом - тайных пружинах творчества, «секретах мастерства». И он, несмотря на страшную занятость, всегда находил час-другой для занимательной беседы.

Об одной из них недавно говорил мне Геннадий Александрович Савинов и даже подарил фотографию, на которой он, будучи еще студентом, запечатлен у ворот нашего дома. Он же вспомнил и пророческую фразу моего деда: «Деревню погубит телевизор». Это в 1968-м сказано. И действительно, как быстро ушли в прошлое и образ мышления, и самобытность, и прикладное народное искусство, и русская песня, а традиции жизненного уклада сменились на пошловатый стандарт.

ПРИЕЗЖАЛИ ЛИ В ПРИСЛОНИХУ «БОЛЬШИЕ НАЧАЛЬНИКИ»? Во все времена. Советские и партийные, большие и маленькие, скромные и не очень. Заранее предупрежденные домочадцы готовили что-то вкусное, водили квасы, пекли пироги, крошили салаты. Аркадий Александрович был хлебосольным хозяином, но без пафосных излишеств.

Кстати, он никогда и ни с кем не выезжал, так сказать, «на природу» - всякие там шашлыки, барственные гуляния и братания с выпивкой, совместные банные

процедуры были для него неприемлемы по определению. Это касалось и охоты, и рыбалки - зверей он жалел, а сидение с удочкой считал пустой тратой времени. Поэтому иногда появляющиеся воспоминания о подобных событиях остаются целиком на совести авторов.

В последние годы жизни деда несколько раз бывал у нас Анатолий Андрианович Скочилов. Крупный, представительный, много повидавший и переживший человек, волевой и строгий руководитель здесь смягчался сердцем. Его подробные рассказы об успехах области и намечаемых планах внушали неподдельный оптимизм.

Почти всегда вместе с ним появлялись молодые тогда Евгений Васильевич Сазанов и Владимир Николаевич Сверкалов. Анатолий Андрианович, уезжая, привычно спрашивал, не нуждаемся ли в чем. Его автомобиль «Чайка» («ГАЗ-13») смотрелся поражающим воображение инопланетным сооружением.

Владимир Николаевич Сверкалов, будучи ответственным за культуру, бывал у нас часто, привозил многочисленные делегации, разных знаменитостей. С его легкой руки побывали в Прислонихе министр Екатерина Алексеевна Фурцева, известный датский художник Херлуф Бидструп.

С глубоким уважением вспоминаю Геннадия Васильевича Колбина. Руководил областью он недолго, и встреч с ним было немного. Но осталось чувство про-

Н.Н. Пластов. «В полях».

стоты общения, естественности поступков. Например, оказалось полной неожиданностью, когда, будучи в Прислонихе, Геннадий Васильевич вслед за рассказами моего отца о творчестве А.А. Пластова тут же попросил провезти по памятным местам, где собирался материал к тем или иным картинам. Я сел за руль нашего старого «УАЗ-69» - на другой технике было не проехать. Часа полтора трясясь на заднем сиденье (переднее он уступил отцу, невзирая ни на какие уговоры), Геннадий Васильевич внимательно слушал комментарии по маршруту следования.

С тех самых встреч летом 1986 года начались действительно серьезные сдвиги в деле увековечения памяти деда. Уже 1 июля Ульяновский облисполком вынес решение «О подготовке к 100-летию со дня рождения народного художника СССР А.А. Пластова». Коллектив Средневолжского филиала «Спецпроектреставрации» проделал гигантскую работу (плодами которой пользуются и сегодня) по способу и объемам реставрации будущих музейных объектов, по восстановлению практически из небытия Богоявленского храма (архитектор - Григорий Гаврилович Пластов, дед А.А. Пластова), по сохранению традиционного облика села Прислониха и зоны охраняемого ландшафта.

Низкий поклон Юрию Васильевичу Козлову - и поныне руководителю этого ведомства. Редко встречаются люди, столь преданные своему делу, великолепные профессионалы, радетели исторической правды.

Все эти начинания стали переходить в практическую плоскость стараниями Юрия Фроловича Горячева. К январю 1993-го в Прислонихе все должно было быть завершено и торжественно открыто. Вмешалась История - смена ориентиров, задач, приоритетов. Но, несмотря ни на что, - почти еженедельные планерки, в Прислонихе открыт музей, поставлен памятник павшим в Великой Отечественной (автор проекта - Николай Аркадьевич Пластов), благоустроены дороги, восстановлены пруд (по всем гидротехническим наукам) и, главное, в центре села воссоздан храм Богоявления.

Возвращаясь в Прислониху, всегда с особым чувством предвкушаю встречу с настоятелем этого храма протоиереем Владимиром Дмитриевым. Высокий, худощавый отец Владимир всем своим видом аскета, подвижника, взглядом пронзительных глаз похож более на библейского пророка, нежели на сельского священника.

Побывав на его богослужениях, действительно удаленных от суетности бренных воззрений, чувствуешь во всей полноте силу и правоту христианства как вместилища любви и прощения, как спасительного духовного экзамена.

С годами вдруг обнаруживаешь, что высокие руководители - твои сверстники, учились по таким же учебникам, видели ту же страну, слышали те же речи. Чувство близости, взаимопонимания возникает ненавязчиво, но убедительно. Так получилось с Владимиром Анатольевичем Шамановым. Ни в коем случае не ставлю себя по-панибратски в один ряд с этим героическим человеком, но как же приятно всегда его встретить, пожать его руку крепкого русского мужика.

Вспоминается с благодарностью все, что было сделано Владимиром Анатольевичем к 110-летию А.А. Пластова. Теперь есть в Ульяновске бульвар Пластова, установлен ему памятник (автор - народный

художник России Анатолий Андреевич Бичуков).

Качественно изменились мои взаимоотношения с малой родиной в последние годы. Какой-то широкой надеждой наполнилось сердце, прояснились горизонты мечтаний и конкретных дел. Конечно, прежде всего имею в виду дело, перешедшее от отца: внутреннюю, непреложную, пожизненную обязанность - увековечение памяти А.А. Пластова.

Нынешний губернатор области Сергей Иванович Морозов поставил в ряд своих приоритетов раскрытие безусловной значимости великих людей нашего края в воскрешении России. Знаковым событием стало создание в мае 2009 года первого в стране Достопримечательного места «Прислониха - родина народного художника СССР Аркадия Пластова». Обширные территории - само село, таинственные леса, поразительный пейзаж с полями - становятся заповедными, и череда будущих поколений, надеюсь, сможет с подобающим волнением воспринять все то, что когда-то вдохновляло мастера. А спустя полтора года - как логичное продолжение - открытие Музея А.А. Пластова в Ульяновске.

КТО ПОМОГАЕТ ХРАНИТЬ ПРОШЛОЕ?

Всегда готовы к сотрудничеству и Ульяновский областной художественный музей, и Музей современного искусства им. А.А. Пластова. Удивительная, неутомимая Елена Николаевна Сергеева, директор Музея современного искусства, олицетворяет собой действенное новаторство. Ее нестандартные проекты позволили состояться таким выставкам, как «Купание коней», «Обнаженная в творчестве Аркадия Пластова», «Итальянские впечатления», «Рембрандт и Пластов», и я

2010 год. Ульяновск. Открытие Музея А.А. Пластова.

знаю - впереди еще много интересных замыслов.

Директором нового Музея А.А. Пластова в Ульяновске стала Татьяна Федоровна Верещагина. На плечи этой хрупкой женщины легли все конкретные заботы по ремонту здания, созданию экспозиции, подбору персонала. Человек поразительной эрудиции, прилежности, душевной открытости, Татьяна Федоровна располагает к себе с первых минут встречи. Зайдите на улицу Гончарова, 16, и вы будете очарованы живым теплом познавательного общения.

Как чудо, как послание свыше узнал в день открытия музея, что восстановлено богослужение в храме Св. Германа. Вскоре с трепетом стоял перед алтарем. Здесь мой дедушка впервые увидел будущую жену - Наташу фон-Вик, здесь в далеком 1925 году они и были обвенчаны в праздник Покрова Пресвятой Богородицы. В тот же день новобрачные уехали в

2009 год. С Татьяной - женой, помощницей и Музой.

Прислониху. Мысленно путешествуя с ними из Ульяновска, я как-то увлекся и прошел мимо нашего села дальше, к Суре, к пойменным, стародавним лесам, к святым местам, дорогой паломников и богомольцев.

Не случайно, наверное, что духовный ученик Аркадия Пластова как раз оттуда. Александр Степанович Гордеев живет в уездном городке Промзино (теперь - Сурское), где в конце XVI века явился образ Святителя Николая, защитив пограничное селение от татарских полчищ. Придя в начале 60-х годов к Аркадию Александровичу показать свои наивные еще работы и получить совет мастера, Саша стал у нас частым гостем. Тихий, скромный начинающий художник воспринял от Аркадия Пластова главное - систему ценностей. Великий труженик, он работал оформителем и резчиком по дереву, преподавал в школе и никогда не гонялся за барышами или какой-либо известностью. А последние двадцать лет совершенно изменили его судьбу. Он пишет иконы, стал главным действующим лицом в восстановлении часовни на Николиной горе.

В контексте всяческих моих рассуждений и воспоминаний хочу написать о человеке, без которого сейчас не мыслю любого дела по вопросам Прислонихи. Это Игорь Леонидович Романов. Каким-то чудесным образом сложилось так, что сосед, бывший дальнобойщик, повидавший всякого, теперь оканчивает заочно исторический факультет Ульяновского государственного педагогического университета, стал искренним другом и директором музея в Прислонихе. Мастер на все руки, талантливый менеджер и распорядитель не одинок. Его прекрасная жена Антонина - экскурсовод, дочь защитила диплом по музейному делу на истфаке. С такими единомышленниками мне не страшно задумываться о будущем.

Настало время рассказать о месте совершенно особого значения для меня - о нашем уездном городке Карсуне. Там соз-

далась уникальная атмосфера для развития творческих начал в человеке. На эти темы часто беседуем с Владимиром Борисовичем Чубаровым, главой администрации Карсунского района, где ведется повседневная, планомерная работа с подрастающим поколением.

На примере Карсунской школы искусств им. А.А. Пластова это особенно поражает. Надежда, что русская культура сохранится и приумножится, витает в стенах этого заведения. Мы часто говорим о значимости той или иной личности в истории. И здесь как наглядность благодатной роли вырастает фигура Владимира Алексеевича Фролова, директора школы, подвижника, сумевшего собрать вокруг себя для преподавания достойнейших людей.

Венцом их деятельности вот уже который год являются летние пленэры. Десятки ребятишек из разных уголков страны съезжаются творить прекрасное. С утра и до позднего вечера, когда притихшие леса прячут в себе пламенеющий закат солнца, взрастает общее, искреннее пространство творчества… Это как раз то единение, что воспитывает человека не одиноким путником, но частью народа. Дай бог этим ребятам светлого, неомрачаемого счастья.

В помощь детям осенью 2005 года был создан Фонд поддержки творческой молодежи им. А.А. Пластова. У истоков фонда стоит его бессменный исполнительный директор на общественных началах Любовь Николаевна Солдаткина, замглавы администрации Карсунского района. Материнская забота о молодых талантах сделала Любовь Николаевну родным и близким человеком для многих. Президентом фонда выбрана моя жена Татьяна. Многочисленные выставки детского творчества показаны под эгидой нашей организации в Москве, других городах России и даже в Италии, куда на международный пленэр была организована поездка выпускников Карсунской школы искусств Ильмиры Кужаньязовой и Александра Свиязова. Ныне Александр - студент скульптурного отделения Московского института им. В.И. Сурикова, а Ильмира будет туда поступать.

Скоро исполнится 40 лет моей дружбе с Юрием Николаевичем Панцыревым. С первых месяцев учебы в Суриковском институте у нас прекрасные отношения. Наверное, из-за того, что детство наше прошло похоже - под вольными небесами сельской жизни, вспоминаемой нами с одинаковым счастьем. Юра родом из Владимирской области - мест былинных княжьих походов, мест становления русской государственности. Под стать и его характер. Тонкий, лиричный живописец соединен в нем с железной, целеустремленной волей. После окончания института в 1979 году он распределился в Ульяновск, сразу же получив мастерскую, что было большой удачей. Часто и подолгу жил в Прислонихе на положении старшего брата. Как я благодарен ему за эти времена молодости, времена бескрайних надежд и сбывшихся мечтаний! И сейчас живым чувством радости всколыхнется душа при встрече…

31 августа, в день его рождения, мы семьями традиционно бываем на Волге. Свежесть ветра, шум, веселье. Но вот садится солнце под причудливыми облаками, на воде гаснет световая дорожка к голубоватому горизонту, а через Волгу мерцает огнями тот самый далекий, сиреневый «Город».